

Юрий
Левитанский

СЮЖЕТ
с вариантами

Юрий Левитанский

СЮЖЕТ с вариантами

Книга пародий
в двух частях
с предисловием
и послесловием
автора

Мих. Мих. Темину

с искренним
сердечным

расположением

Друзьям спасибо

Ю. Левитанский

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1978

16. XII. 78

Юрий Левитанский известен как поэт своеобразного лирического дарования, автор многих стихотворных сборников. Новая его книга «Сюжет с вариантами» представляет Ю. Левитанского в несколько необычном качестве — как талантливого мастера пародии. Среди тех, чье творчество привлекает внимание автора книги, — поэты разных поколений, разных творческих манер. Многие из пародий Ю. Левитанского были опубликованы в периодической печати.

Художник
ВИКТОР АЛЕШИН

70402—262
Л 161—78
083 (02)—78

© Издательство «Советский писатель»,
1978 г. Стихотворения, отмеченные в со-
держании звездочкой, публиковались
до 27 мая 1973 г.

Предисловие автора

Режеде всего автор хотел бы признать-ся в том, что книга эта, в известной степени, для него самого неожиданна. Неожиданна в том смысле, что он, автор, не будучи по своей натуре человеком честолюбивым и самонадеянным, обладая к тому же природной склонностью не поддаваться самообольщению и мыслить здраво, никогда и никаким образом не стремился быть причисленным к тому редкому разряду людей, коим покровительствует суровая муза юмора и сатиры, и потому на лавры пародиста тоже не претендовал, а, наоборот, готов был вполне и впредь довольствоваться скромной своей известностью одного из многих, посвятивших себя служению музе Эвтерпе, давней покровительнице поэзии лирической.

...Итак, пародии, вошедшие в эту книгу, появились на свет, можно сказать, случайно, писались, как говорится, для внутреннего употребления, и публиковать их поначалу автор никак не собирался. Сделал он это позже, под напором, как это на первый взгляд ни странно, своих же коллег, и, что еще более, казалось бы, странно, именно тех, которых он пародировал — под давлением их, как говорится, общественного мнения.

В этой связи с большой приятностью, хотя и с понятной грустью, вспоминает сегодня автор, сколь дружески заинтересованно и тепло относились к этим его странным твореньям дорогие его сердцу люди Луконин и Яшин. Не может не вспомнить сегодня автор и дружеских тех вечеров и застолий, где так часто к нему обращалось мягко требовательное приказанье Светлова прочитать, как он называл это, «злобный пасквиль против меня». И совсем уж в связи с этим нельзя не вспомнить, сколь серьезно и увлеченно относился к сим скромным твореньям незабвенный наш критик и великий знаток поэзии нашей Александр Николаевич Макаров...

Здесь, в этом самом месте, автор благоراضно останавливается, чтобы попросить благосклонного читателя — да не подумает он, читатель, будто все это сказано автором из чистого хвастовства или бахвальства, ибо

этого автор и сам себе не простил бы. Просто все это кажется автору весьма важным для прояснения истории нашего вопроса. Ибо, может быть, именно тогда автор и сам впервые задумался, осмотрелся, пригляделся и обнаружил, что пародия — это как раз не юмор и не сатира, а дело совсем серьезное.

Первая небольшая подборка этих пародий была опубликована в ежегоднике «День поэзии» за год 1963-й. Вот отрывок из тогдашнего авторского предисловия к ним:

«Я написал пародии на стихи моих товарищей — поэтов. Нет нужды говорить, что они дружеские.

В словаре Даля слово «пародия» определяется так: «забавная переделка важного сочиненья». В меру своих сил стараясь переделать важные сочиненья своих товарищей забавно, я стремился схватить особенности их интонации, лексики, творческой манеры, стиля. Все пародии написаны на тему широко известной печальной истории о зайчике, который вышел погулять.

Полагаю, что в этом нет ничего обидного. Впрочем, я знал, на что иду».

С той давней поры миновало пятнадцать лет, и автор с глубоким удовлетвореньем замечает, что годы не сделали его ни сатириком, ни юмористом. И автор не ждет, что читающий эту книгу читатель будет при том то

и дело хихикать, хохотать и покатываться от смеха. Более того, автор этого даже и не хотел бы, ибо это вовсе и не входило в его задачу. Но если, листая эту книгу, благосклонный читатель изредка, в отдельных случаях, все же нет-нет улыбнется — в этом, по мнению автора, не будет большой беды. Более того, автор даже готов за это сказать ему, читателю, спасибо, или, как принято выражаться ныне — благодарю за вниманье.

СЮЖЕТ,

**или
часть первая,
самая короткая,
но важная,
ибо содержит в себе
полный,
научно выверенный
канонический текст
«Сказания о зайце»,
которое и положено автором
в основу
этой его книги**

Сказание о зайце

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.

Пиф-паф, ой-ей-ей,
Умирает зайчик мой.

Примечание автора. В некоторых редакциях «Сказания», явно относящихся к более позднему времени, после слов «Умирает зайчик мой» следовали еще две строки:

И везут его домой,
Потому что он живой.

Развитие этой гуманной идеи получило свое отражение и в ряде сочинений, составляющих вторую часть настоящей книги.

ВАРИАНТЫ,

**или
часть вторая,
главная
и самая существенная,
ибо именно из нее-то
мы и узнаем,
как, по представлению автора,
поэты хорошие и разные
написали бы все это по-своему,
по-хорошему
и по-разному**

Груба его неправая ладонь,
несущая надменно сковородку.
С усмешкою, присущей скомороху,
он говорит: — В огонь его, в огонь!

О, не ступай за грань сковороды,
чтоб шкурка твоя добрая шипела,
в печальных очертаниях Шопена
приобретая видимость еды!

Скорей на дачу, к долгому труду!
Там, отвергая праздность и забаву,
из хлопьев снега вылепим мы бабу
и нарисуем домик и трубу.

Ты побежишь раздетым по двору,
но я не упрекну тебя ни словом.
Я стану говорить старинным слогом,—
иди ко мне, играй со мной в игру!

Яр-нар
из книги
«Сыр-бор»

(В. Боков)

Лето — рута,
лето — ель,
нетто-брутто,
карамель.

Клюква, брюква,
благодать,
есть где зайцу
погулять.

И охотник
тоже рад —
он для зайца
друг и брат.

Пиво, раки
и блины,
все друг в друга
влюблены.

Речка, гречка,
берега,
гуси-гуси,
га-га-га.

Лето — чудо,
лето — рай,
все, что хочешь,
выбирай!

Глубина

(Е. Винокуров)

Не раз-два-три. Не три-четыре-пять.
Не шесть-семь-восемь. И не девять-десять.
А просто вышел зайчик погулять.
Боржому выпить.

Что ж его — повесить,
как некогда Вийона?

Бытия
пузырчатую знает он природу.
Всей трепетною плотью вопия,
он пьет боржом. Он любит эту воду.
Охотник — вот загадка для меня!
Он пиво пьет! Он толст и неопрятен.
Его живот — как шар. День ото дня
тучнеет.

О безумец, непонятен

ему боржом! У каждого ларька
пьет пиво и ругается прескверно.
Когда б он воспитал ученика,
тот был бы матерщинником, наверно.
Он водку пил бы! Бегал бы с ножом!
Нагим ходил бы! Умер бы от пьянства!
О это неуменье пить боржом —
извечная предтеча вольтерьянства!..
Люблю пиры. Обеденных меню
размах понятен мне,
но, по большому
считая счету,
выше я ценю
священную приверженность к боржому.
О пузырьки! Ликуя и трубя,
свободный углерод во мне играет.
В раздумье
наполняю им себя,
пока моя любимая стирает.

**Заячье отступление
из поэмы
«Треугольные уши»**

(А. Вознесенский)

Фиеста феерий!
Фатальная зависть!
Долой Рафаэля!
Да здравствует заяц!

Жил огненно-рыжий охотник Мишель.
Из зайца он сделал, мошенник, мишень.

Дабы добывать ежедневный пирог,
он в зайца стрелял через задний порог.

А заяка, а заяка бежал по параболе.
Его не убили, его не поранили.

Не делали пиф и не делали паф —
он сам испугался, случайно упав.

А зайка, а зайка
уже — боже мой!
Он белый, как сайка.
Он антиживой.

Распалась семья,
в которой семь я,
а восьмой,
мерцающий, как неон,
говорит, что и он — не он.

Примечание автора. В тех случаях, когда автор полагает, что один Вариант не дает достаточно полного представления о творческой манере поэта, он предлагает дополнительный Вариант — как бы вариант предыдущего варианта (см. стр. 26).

Плач охотника по двум неубитым зайцам

ЗАЯЦ Я АЗ...

(Из неопубликованного)

Пятый день бегу по следам.
Шагадам, кричу, магадам!

Окликаю своим позывным:
Скрымтымным!

Ну, и лажа! У, кобели!
Увели...

Было —
четыре пары пушистых лап, четыре пары
тонких и элегантных, восемь изящных
спринтерских ног, как у Брумеля или Пли-
сецкой;

Было —

две лебединых шеи, два брюха виолончельных, две мощных спины — два висячих цепных моста — зеркальное отражение знаменитого Бруклинского моста, так свободно парящего между башней Эйфеля и туманными скалами Эльсинора;

Было —

две пары ажурных ушей, серебристых и чутких, как радиолокаторы, установленные на крыше Эмпайрс-билдинг;

Было —

два смежных мини-хвоста, опалово-перламутрово-белых, грустных, но стремительных, как проходная пешка Бобби Фишера в королевском гамбите;

Было...

Но свистел, как уркач, аркан.
А ханурик плясал канкан.

Заманили силком в капкан,
как Букашкина — в хор цыган.

Заманили? А ходит слух —
увели, как последних шлюх.
Как уводят публичных дам,
чтобы там
шагадам магадам.

Был приварочек — первый сорт.
Умыкнули, ханурик, черт!

Где приварочек? Нету. Сперт.

А еще говорили — спорт!

А было —

два любящих сердца, два нежных предсердья, хотя и не лишенных некоторой сентиментальности, одна пара левых и одна пара правых желудочков, две пары легчайших легких, приближавшихся к среднему весу, два пупочка, сладких и нежных, как руки Лолобриджиды, и это, не считая всего остального, а если считать, то получится — свежей парной зайчатины 2 раза по 8 кг, или всего 16 кг по 1 р. 29 к. за 1 кг в среднем — итого 2811 г, если перевести в голландские гульдены...

Шагадам, кричу, магадам.

Не отдам!

Пятый день по следу лечу,

чу —

чую мочу.

Ничего — все равно доскачу.

Ничего — что не по годам.

Шагадам, кричу, магадам.

Нервы, что ли, отключены?

Ветчины хочу, ветчины!

Не морковное е-мое.

Не капустные кочаны.

А хочу получить свое.

Ветчины хочу, ветчины!

Что скрываемся, что темним!
Никакой там ни скрымтымным.

Ветчины хочу, ветчины
небывалой величины!

За мною шла машина поливальная,
как старенькая бабка повивальная.
И женщина, Мари или Марина,
клопов

руками белыми

морила.

Она была легка, как лодка парусная
и как икра задумчивая паусная.

А дворник пел свою ночную арию.

Россия сокращала свою армию.

И только я один не сокращался

и о своем заветном сокрушался:

как совместить охотника свирепость
и зайца повседневную смиренность?

Я разный. Огородник я и плотник.

Я сам себе и заяц и охотник.

Я сам себя ловлю и убиваю.

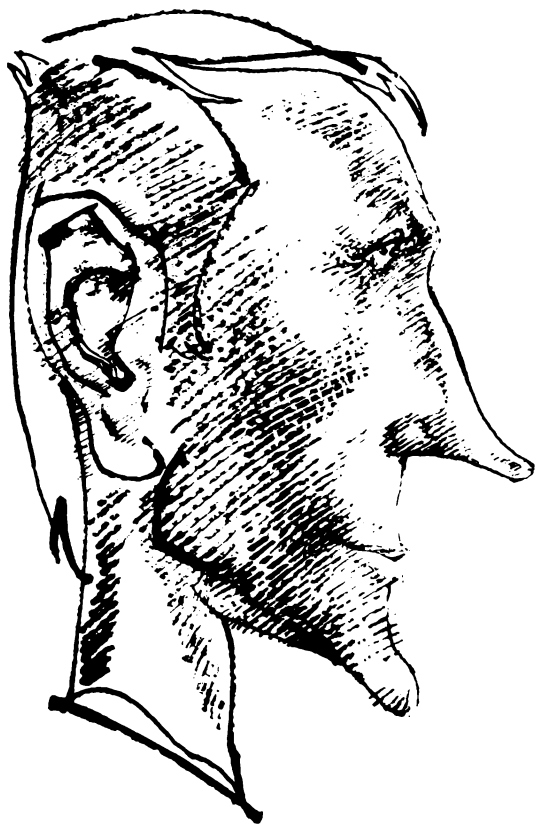
Сам от себя бегу

и убегаю.

Но сколько я себя ни убиваю,

я все равно

никак не убываю.

Похвальное слово курочке Рябе

из цикла
«Сорокалетняя мужчина»

Я слышал, и не раз, такое мнение —
С годами, мол, приходит поумнение.
Я с этим согласиться не могу.
Я знаю их, день ото дня умнеющих,
уже сказать по-детски не умеющих
простое человеческое «агу»!

Есть в поумнении скрытый дух келейности,
елейности и даже бармалейности
с легчайшим даже привкусом грешка.
В нем не хватает детской простодушности
и этой милой мухоцокотушности,
что, скажем, есть у Пети-петушка.

Пусть они читают книги, умники —
я буду с теми, кто играет в кубики.

Да, мне они понятней и милей,
бесхитростные детские манежики,
чем эти поумневшие мошенники,
кичащиеся умностью своей.

Пускай с Гомером станем мы погодками —
не разлучусь ни с детскими колготками,
ни с памятью о первом киселе.

Мне потому и счастливо, и празднично,
что так по-детски елочно и прянично
зайчиха-глупость ходит по земле.

Люблю, придя в жилье свое высотное,
открыть свое окошко невысокое,
чтобы увидеть снова и опять,
как меж пивными и кафе-молочными,
где шляются джинсовые молодчики,
она выходит тоже погулять.

Зайчиха-глупость — мудрое животное.
В ней что-то есть безмерно животворное,
способное лишь душу укрепить.
И как бы ум, охотничек прославленный,
ни целился рукой своей расслабленной —
ему мою зайчиху не убить.

Когда, не вняв ни Мастеру, ни Воланду,
лечу через Калугу или Вологду
на материк какой-нибудь другой —
не расстаюсь ни с курочкою Рябою,
ни с дедом и, тем более, ни с бабою,
с любимой моей бабою Ягой.

Уставший от фигурного катания,
от долгого недетского питания,
я говорю вам детским языком:
не бойтесь этой псевдокарабасности,
пока я жив — зайчиха в безопасности,
клянусь ацидофильным молоком!

**Баллада о зайчике Роуфе,
охотничьем сыне Баграте,
чуреке и чебуреке**

(Ф. Искандер)

У злобы — свои законы,
у чести свои права.
Есть заяц, и есть охотник.
Инжир, курага, айва.
За рынком у старой хашной
сошлись они, аккурат,
заяц по имени Роуф
и охотничий сын Баграт.
Лил на ущелье месяц
свой черный венозный свет.
И сказал Баграт: — Нэнавижу! —
и вскинул свой пистолет.
И в хашной умолкли споры,
когда он привстал в седле.

Но пуля в стволе молчала.
Молчала пуля в стволе.
Она молчала, как рыба,
навага, судак, филе...
Все так же в ущелье месяц
лил свой венозный свет,
когда Роуф сказал Баграту:
— Ну-ка, дай сюда пистолет! —
Когда торжествует дружба,
с дороги уходит злость.
И бросил Баграт ему пистолет,
как бросают собаке кость.
Уже текла по горам заря,
как течет виноградный сок,
когда Роуф своею рукой всадил
пулю себе в висок...
Да здравствует сила сильных!
Пусть слабый не будет слаб!
Да здравствует дух брожения,
шашлык и люля-кебаб!
Да здравствуют ритмы Киплинга,
папаха, аллюр, абрек,
фазаны и козлотуры,
мангал, чебурек, чурек!

Зайцерама

(С. Кирсанов)

Там, где врезанный
 в Кордильеры,
огородствует
 огород,
конквистадоры
 браконьеры
зайцу сделали
 окорот.

Там, в тумане,
 за дымной Сьеррой,
только выскочил
 погулять —

для чего его
в шубке серой
дваждыдварики
пятью пять?

Хулиганствуя,
хали-гали,
хулахупствуя
на лугу,
длячегорики
напугали,
почемурики
ни гугу?

Говорю ему —
У, мерзавец! —
конквистадору
главарю.
— Умер заяц?
Не умер заяц!
Чепухарики! —
говорю.

Избегая
финальных арий,
оркестранты,
играйте туш!
Поместим его
в дельфинарий,
в планетарий
звериных душ.

Пусть морковствует
серый заяц,
пусть дельфинствует
над водой,
серый заяц-
незамерзаец,
нуклеарный
и молодой.

Перевязанный
синей лентой,
упакованный
в целлофан,
пусть несется он,
турбулентный,
как огромный
Левиафан.

Пусть летит он
в своем убранстве,
убеждаясь
в который раз:
это танец
протуберанцев,
с'est la dance
des protouberances!

Полезные советы

(С. Куняев)

Лицо должно быть со щеками,
с клыками быть обязан рот,
чтобы летела шерсть клоками,
когда охотник зайца жрет.

Охотник должен быть поджарым,
иметь ружьишко за плечом.
А заяц должен быть поджарен
и хорошенько запечен.

Бедой не будет роковой —
пришить к жилетке рукава.
Должна быть шея с головою
и не пустою — голова.

Солист не должен петь дуэтом.
Кларнет не должен быть трубой.
Поэт обязан быть поэтом.
Я должен быть самим собой.

а вы его подняли над землю,
подняли и не опустили,
и он не выжил.

Лестью заманили,
мягкой смертельной опасностью —
незавидная участь.

Он тончал и мельчал,
все обдуется, думал, прояснеет,
но рывок ослабел,
потерял прыгучесть.

Так это зовется? Так пишется?
Это и есть?
Как же это такое?

Странно все-таки,
его убили,
а мне из него — жаркое?

А мне эти клочья кошмара,
пересвет непоседливой живости,
громоздится на блюде?

Не маните, не надо,
глазами в глаза не дразните,
слышите, люди?

Все равно я не стану есть его —
не ждите такое увидеть!

Ну, разве что самую малость,
отведаю,
чтобы вас не обидеть.

Худого слова вам не скажу,
огорчать вас отказом не стану.

Ну, ладно, поставьте —
я сам достану.

Маленький Гулливер

(М. Львов)

Чтоб зайцем стать — не надо им родиться,
как стать рагу — не надо быть рагу.
Не собираюсь в зайца превратиться,
но бить по зайцу — тоже не могу!

Напрасно зайцефобы-зайцегубы
ехидно морщат маленькие губы!
Напрасно зайцеловы-зайцестрелы
в меня пускают маленькие стрелы!
И вовсе зря иные зайцефилы
в меня втыкают маленькие вилы,
свои мне предлагают постулаты,
как надевают маленькие латы,
и маленькую должность, и в придачу
мне предлагают маленькую дачу.

Мне ведом путь, который им неведом:
не зайцеедом быть, а зайцеведом!
И пусть погибну я от зайцелюбья —
но, зайцелюб,
останусь зайцу люб я!

Восьмое чувство

(Л. Мартынов)

Я с Музой
Глубокою ночью
Шел около «Националя».
Там зайца —
Я видел воочью —
Уже начинять начинали.
Вернее, едва начинали
Опасное это занятие,
Едва ли имея понятие,
Кого они там начиняли.
В соседстве с дымящею печью,
Где блики бегут по обличью,
Владеющий слухом и речью,
Он не был обычною дичью.

И я его видел идущим,
На крыльях упругих летящим,
Бегущим по грядкам грядущим,
Сырую морковь едящим.
Над листьями репы и лука,
Над свеклами бурого цвета
Он несся со скоростью звука,
А также со скоростью света.
Он кланялся пущам и роцам,
И было сравнить его не с чем,
И не был он нищим и тощим,
А был он поющим и вещим.
...Тут некто
Высокого роста
Воскликнул:
— Но как это можно?

Да, все это было бы просто,
Когда б это не было сложно!

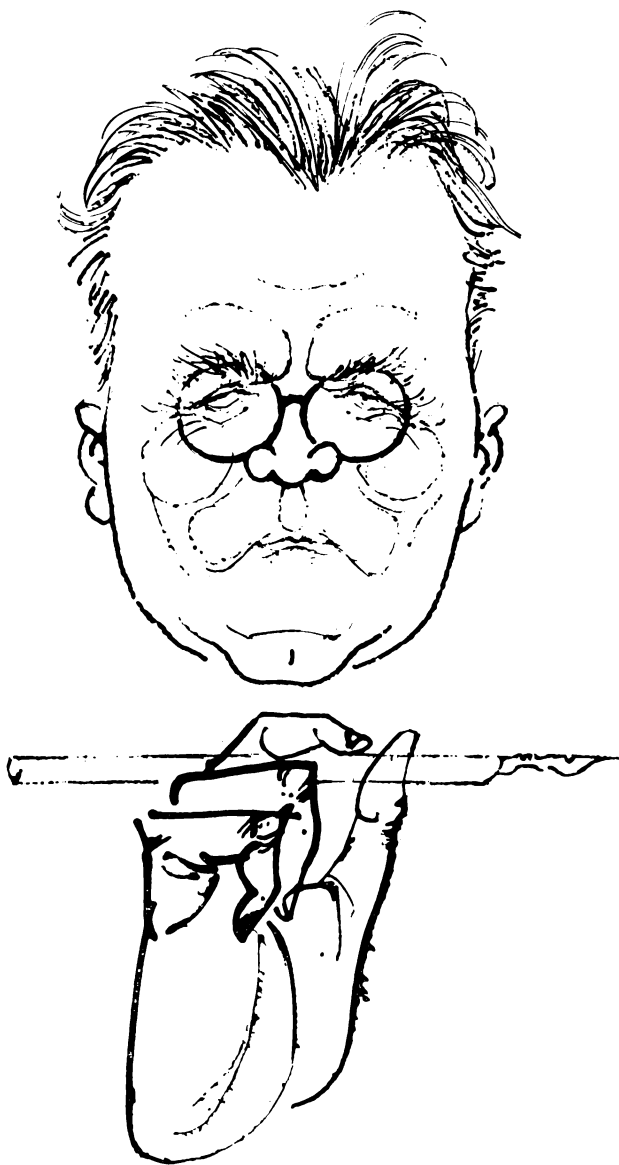
Элегия на смерть Джона О'Грэя,
достопочтенного зайца, эсквайра

(С. Маршак)

Меж речкой Твид и речкой Спей,
Где вереск и все прочее,
Жил бедный заяц Джон О'Грэй,
Отец семьи и прочее.

Хоть был лишен
Наш бедный Джон
Чинов, наград и прочее,
Зато был шерсти не лишен,
Хвоста, ушей и прочее.

Однажды, три-четыре-пять,
Позавтракав и прочее,
Он в рощу вышел погулять
И, так сказать, все прочее.

Он был не в бархат разодет,
Как тот бездельник Билли —
Берет с пером и старый плед
Его одеждой были.

При всем при том,
При всем при том
С бездумною отвагой
Махал он весело хвостом,
Как пикой или шпагой.

Но у развилки трех дорог,
Где ельник и все прочее,
Его охотник подстерег
И застрелил и прочее.

Он взял себе берет и плед,
А пух и прах О'Грзя
Трактирщику за шесть монет
Он продал не жалея.

А тот из Джоновых костей
Сварил бульон и прочее
И этим потчевал гостей
Под крепкий эль и прочее.

Но все, кто ели тот обед,
И все, кто Джона ели,
Не о трактирщике, нет-нет,
Не об охотнике, о нет —
О Джоне песню пели.

Вот так под старых кружек звон,
И шутки, и все прочее
Был воскрешен наш добрый Джон,
Отец семьи и прочее.

И с той поры уж сколько лет,
Как бы воскресший из котлет,
Из супа и все прочее,
Он на земле живет опять
И раз-два-три-четыре-пять
Выходит в рощу погулять
И, так сказать, все прочее.

Не в соли—соль

Сонет

(Н. Матвеева)

Окрошка вышла замуж за кисель.
Кастриюлю в жены взял чревоугодник.
А заяц только сел на карусель,
как тут же застрелил его охотник.

Охотник, был он малый не отсель,
к тому же — бонвиван и второгодник.
Марсель Марсо писал о нем в Марсель
Марселю Прусту: «Плут и греховодник!»

Известно всем, что черное бело
и нужен бас, чтоб сочинить побаску.

Но заяц ест охотничью колбаску
охотней, чем толченное стекло.

Не надо прятать соль на антресоли:
не в соли — соль, когда в ней нету соли!

Песенка о факире Абу-Закире

Где тритоны бьют в тамтам,
пребывая в трансе,
где течет река Шампунь
от Шампани вспять,
ехал фокусник-чудак
в старом дилижансе,
ехал зайцем раз и два,
три, четыре, пять.

Но однажды по пути
из Афин в Марокко
входит парень в дилижанс,
хочет пострелять.
— Предъявите ваш билет! —
говорит он строго. —

А не то я раз и два,
три, четыре, пять!

Но факир Абу-Закир,
он не из овечек.
Никаким таким парням
с ним не совладать.
Он затенькал, как сверчок,
прыгнул, как кузнечик,
прыгнул раз и прыгнул два,
три, четыре, пять.

Где течет лениво Ганг
под удары гонга,
парень гонится за ним,
чтобы расстрелять.
Ах, как много тысяч лет
длится эта гонка —
может, год, а может, два.
три, четыре, пять.

Alter Zayac

Поэма

(А. Межиров)

Я сплю, положив под голову
Блока и Мандельштама,
А ноги мои упираются
в Гослит и Воениздат.

Из набросков

1

Среди гула и гама,
В сорок давнем году,
Сбирала мне мама
На дорогу еду.

Не кефир и не яйца,
Не варенье с халвой,
Положила мне зайца
В мешок вещевой...

Три блистательных года
У меня впереди.
Говорит мне комвзвода:
— Ну, не ешь, погоди!

Старшина и комроты
Мне с НП своего
Повторяют: — Ну, что ты,
Да не тронь ты его!

Два комбрига с комкором
Третьи сутки подряд
С молчаливым укором
— Потерпи! — говорят.

Но, шатаясь как пьяный,
Но почти как шальной,
Запах чувствую пряный
У себя за спиной.

Головою качаю.
Папироску курю.
— Не могу! — отвечаю.
— Я начну! — говорю...

Так кончается детство,
И сейчас же зато
Открывается действо
В цирковом шапито.

Наступает минута
Долгожданного дня.
Острый запах батута
Обжигает меня.

Не игра, не забава.
Крутизна виража.

Этот вертит удава,
Тот глотает ежа.

А я зайца глотаю
С акробаткой одной,
А с другою листаю
Календарь отрывной.

Пронощусь в мотоцикле,
Пробуждаясь порой,
Как в лирическом цикле
Посторонний герой.

Обнимаю девчонку
На привале крутом.
Открываю сгущенку
Окровавленным ртом.

И, за мною вставая,
Обступает меня
Вся моя боевая
Цирковая родня.

Обступает, рыдает,
И под крики ее
Альтерзайца съедает
Альтерэго мое.

2

Снова отхожу и оживаю.
Где-то в двух шагах от Беговой

В коммунальном доме проживаю
С популярной труппой цирковой.

По соседству с нами, не без риска,
Проживают, господи прости,
Две жонглерки, иллюзионистка,
Знаменитый комик-травести.

С комиком ужасная морока,
Хоть репертуар его расхож.
Говорят, что был похож на Блока.
Стал, скорей, на Брюсова похож.

Занят этой темой локальной,
Сплю, к недоумению своему,
Под стеной, почти не вертикальной
И горизонтальной потому.

Душу в тело перевоплощаю.
Ничего от ближних не таю.
Акробатку чаем угощаю,
Куплетисту пиво отдаю.

Ежедневно в непогодь сырую,
Возвращаясь с прогулки верховой,
Жареного зайца дрессирую
В полуохлажденной духовой.

Приручаю, переобучаю,
А когда стемнеет на дворе,
Полуконспективно отмечаю
В неперекидном календаре:

«Нет причин печалиться и плакать.
Думаю, поспею к январю».

Недопережевываю мякоть.
Понемногу допереварю.

Косой и Селифан

Басня

(С. Михалков)

Жил в некоем лесу один зайчишка,
Совсем еще мальчишка,
Шалунишка
По кличке Гришка.
Однажды как-то днем,
Часов примерно в пять,
Зайчишка Гришка вышел погулять.
А тут, как на беду, из леса выбегает
Охотник Митрофан (по кличке Селифан)
И прямо в серого стреляет,
Хотя, по счастью, он в него не попадает,
Поскольку был разбойник Митрофан
Смертельно пьян.
«Вот повезло, — дрожа, подумал Гришка, —
А то бы бац — и крышка!..»

В сей миг из-за ближайшего моста,
Где зелень так густа,
Из-за куста
(А попросту сказать — со своего поста)
Под тихий шум дерев и гомон птичий
Выходит — кто б вы думали? — лесничий,
Известный всей округе великан
По имени Степан.
Лесничий тот из малых был толковых.
Наш Митрофан белее стал, чем мел.
И так как права на отстрел он не имел,
Степан его хотел на пять целковых
Оштрафовать...
Но не оштрафовал,
А чуть ли даже не расцеловал,
Любезно папиросой угостил
И с богом отпустил...
Суть в том, что был Степан совсем не тот,
который..
К тому же сей негодник Митрофан
Не первый уже год заведовал конторой
Строительной артели «Целлофан»,
За что его и звали Селифан.

Мораль сей басни —
Не кивай на Селифана,
Коль сам ты слаб по части целлофана!

Прощание с Ленькой Зайцевым

(Б. Ожуджава)

Словно бы на зависть грустным арбатским
мальчикам,
арбатские девочки, безнадежно влюбясь,
Леньку Зайцева называли ласково зайчиком—
ваше высочество, говорили,
и просто князь.

А когда погулять выходил он с черного хода,
сто прелестных охотниц
выбегали из своих засад,
розовые лошади били крылами,
начиналась охота,
из которой никто не старался вернуться назад.

А они в него корочкой, видите ли,
поджаристой,
пирогом с грибами — в семейный, извините,
круг.

А он на плечо шарманочку —
и пожалуйста,
потому что шофер в автобусе —
его лучший друг.

А он на свои на рыжие, как порфиру,
фуражку.

А он их сам, понимаете, убивал.
И последний троллейбус
развозил по Сивцеву Вражку
ситцевых девочек, убитых им наповал.

Плакала на Смоленской флейта,
лесная дудочка.
Бил на Садово-Кудринской барабан любви.
Ночь опускалась,
короткая, как мини-юбочка,
над белыми дворниками,
изящными, как соловьи.

И стоял, как замо́к отчаянья,
арбатский дворик,
жалуясь, печалуясь, безнадежно моля...
Плачьте, милые девочки,
пейте паригорик!
Пейте капли датского короля!

Другое дерево

Киноречитатив

(Г. Поженян)

Зайцы бежали к морю.
Зайцы бежали быстро.
Сосны бежали рядом,
истекая янтарным соком.
Но зайцам янтарь не нужен,
они его есть не станут.
Зайцу нужна морковка.
Зайцу нужна капуста,
хотя бы даже цветная.
В крайнем случае, брюква.
Или зеленый горошек.
Зайцу жить невозможно
без чего-нибудь овощного...
Но сосна — не такое дерево.

Совершенно другое дерево.
На сосне не растет морковь.
На сосне не растет капуста.
Никакой калорийной пищи
от нее получить невозможно.
Даже клубня простой картошки
и то на ней не увидишь...
Но зайцы об этом не знали.
Зайцы бежали к морю.
Ибо если не днем и не ночью,
а в воскресное, скажем, утро
заяц принял решение —
он уже от него не отступит...
А до моря бежать — не просто.
А до моря бежать — не близко.
Но зайцы бежали так быстро,
что в конце концов добежали.
И они увидели море...

Море очень сильно смеялось.

Сухопутная баллада

Если был бы я богатым,
я б коня купил Тимурке.
Я б козу купил Игнату
и купил бы зайца Юрке.
Пусть Тимур проскачет лихо
за картошкой на рынок.
Пусть Игнат козу подоит
и сильней ее полюбит.
Пусть полней постигнет Юрка
зайца сложную природу,
раз уж взяться он решился
за большую эту тему.
Пусть постигнет, пусть изучит
досконально и научно,
а потом сидит и строчит
столько, сколько он захочет.

Только лучше не про Гришу,
а про Сашу и про Мишу,
про Андрея и про Женю,
про Булата и про Беллу,
про Ивана, про Степана,
про Петра и Митрофана —
это было бы нужнее
и, по-моему, смешнее.

По угорью, по заречью...

(А. Прокофьев)

По угорью, по заречью,
где течет река Оять,
вышел дроля, вышел милый,
вышел серый погулять.

Ой, как шел по луговине
мой залетка дорогой,
увидал его охотник —
трах по пузу кочергой.

Ох и круто, ох и люто,
поначалу да сперва
покатилась разудала,
буйна сера голова.

Ой калина, ой малина,
краснотал да чернотал.
У плетня лежит залетка,
ручки-ножки раскидал.

Ох и круто, ох и люто,
елки-палки, лес густой,
не гуляет мой гулена,
пропадает милый мой.

В нерасстеганном кафтане
уж на печь ему не влезть,
по Ояти не гуляти,
каши масляной не есть.

Ой поминки, ой веселье —
как тут было не сплясать.
В три огня сварили зелье,
стали дролю поминать.

Апосля того первóго,
ох и пятого того,
я сказал слова-находки
про залетку моего.

Ничего, мол, мне не надо,
был бы дrolечка со мной,—
был бы дrolечка в сметане,
мой залетка заливной!

Интервью с Вольфом Мессингом

(Р. Рождественский)

Я не верю угодникам.
Надо рассчитывать здраво.
У поэта
с охотником
что-то есть общее, право.
Тот бежит, выбегает,
стреляя
и тем убивая.
Тот сердца разбивает,
на части
строку разбивая.
Беспокойные, нервные,
балаганим
и шпарим по грядке.

Ну, подумаешь, невидаль —
нервы чуть-чуть
не в порядке.
Ну, подумаешь, лесенка —
разве это
значение имеет!
Вы спросите у Мессинга,
он угадывать мысли
умеет.
Поглядит — как приценится,
чуть подумает,
усмехнется:
— Кто умеет прицелиться —
тот уж фигушки
промахнется!

Не про того парня

Айсберг — льдина.
Будут вьюги кружить.
Мат в четыре хода.
Три-четыре-пять.
Льдина — все едино,
можно прожить.
Заячья охота.
Есть где погулять.
А он и не старался,
был парень жох.
Ему это дело —
что конфета драже.
За двумя погнался —
убил четырех.
Стал их пересчитывать —
восемь уже.

Арфа, Марфа и заяц

(Д. Самойлов)

В Опалихе, возле Плаццо де Пеццо,
в котельной жил одинокий заяц,
который,

как это умеют зайцы,
долгими зимними вечерами
очень любил поиграть на арфе.
Правда, казалось несколько странным,
что заяц в котельной играл вечерами
не на органе иль клавесине,
на окарине иль клавикорде,
не на волторне или тромбоне
и даже не на виоле де гамбо,
как это любят другие зайцы,
а на обычной концертной арфе.

D

C

Впрочем, стоит ли удивляться,
что заяц в котельной играл на арфе?
Просто мы с тобой не имеем арфы,
и потому мы на ней не играем...
Однажды зашел я к нему под вечер
(люблю провести вечерок в котельной,
в бойлерной, в камергерском блеске
черных венецианских кресел!),
и мы разговорились о Бахе,
о Брамсе, о Шуберте и Сен-Сансе,
о Скарлатти и Доницетти,
о кантилене и о бельканто
италианской оперной школы.
Потом он стал в концертную позу,
как это умеют одни лишь зайцы,
и положил холеную руку
на струны, натянутые вертикально,
настроенные в до-бемоль мажоре,
синие, как гусарский ментик,
красные, как бутылка кьянти.
А на чердаке распевала Марфа,
в манере, присущей одной лишь Марфе,
и я задохнувшись тогда подумал:
ах, арфа,
ах, Марфа,
ах, боже мой!

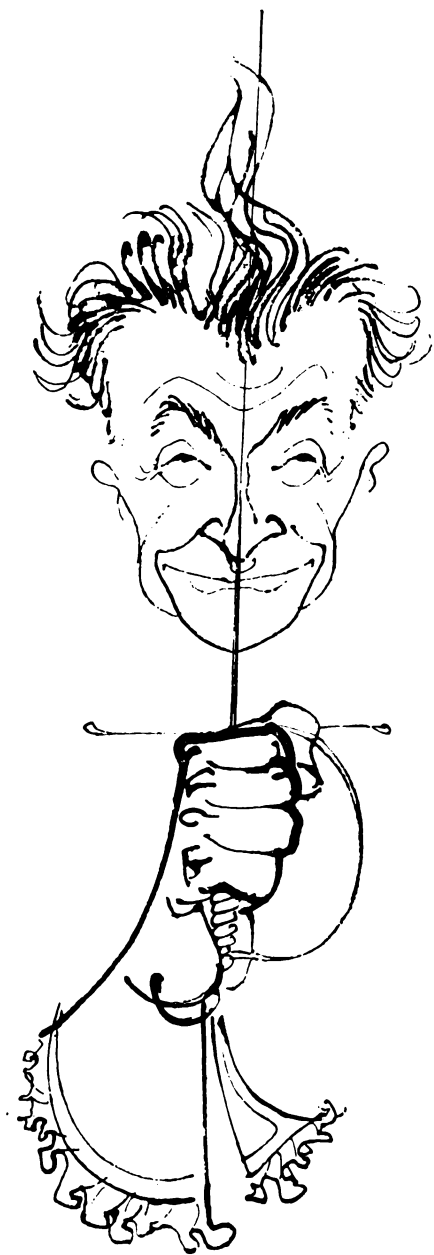
Сто двадцать лет спустя

(М. Светлов)

Не в «ЗИЛах» и не в новеньких «Победах»,
не думая, что станут в них стрелять,
два зайчика на двух велосипедах
отправились немножко погулять.

Но по ошибке взятый на поруки,
большая сволочь и антисемит,
охотник к ним протягивает руки
и гнусными зубами шевелит.

Сейчас начнутся грозные события.
Мой зайчик закачается в седле.
Но чтоб не допускать кровопролитья,
живут мои герои на земле.

И если уж дойдет до столкновенья,
я крови все равно не допущу:
я встану посреди стихотворенья,
охотника в лягушку превращу.

И вы не бойтесь, глупенькие зайки:
я в случае чего вас воскрешу.
Куплю вам в ГУМе трусики и майки
и на свою жилплощадь пропишу.

Я дам вам пряник и другие сласти,
надену октябрятские значки.
Не надо плакать при советской власти!
Утрите ваши слезы, дурачки!

Пускай горит на мордочках румянец!
Охотника не бойтесь моего!
Я пошутил, ведь он — вегетарьянец,
мясная пища — гибель для него.

Мне вся его семья давно знакома.
Он не имел оружия вовек.
Он просто заместитель управдома,
вполне интеллигентный человек.

Зайцы в водоеме

(Б. Слуцкий)

Зайцы не умеют плавать.
И ни близко, и ни далеко...
Одного из зайцев звали Клава.
В это вам поверится легко.

Клава жил без мамы и без папы.
Он имел имущества — всего —
Две и две — всего четыре — лапы,
уши, хвост — и больше ничего.

Клава жил как лирик. На природе.
Триста шестьдесят пять дней в году.
Во саду ли, скажем, в огороде
ел
еду.

Две морковки. Три. Четыре за день.
Вот и все меню.
А охотник был до мяса жаден,
ел семь раз на дню.

Был он физик. Не любил природу.
Лирика ему — что острый нож.
Жил одним: загнать бы зайца в воду!
И загнал. А что ж!

Зайцы, как известно, слабы.
Заяц потонул в воде.
Где теперь его четыре лапы?
Хвост, я спрашиваю, где?

...Что стрелку? Ни холодно, ни жарко!
Укокошил зайца — и забыл.
Вот и все. А все же Клаву жалко.
Добрый

заяц
был!

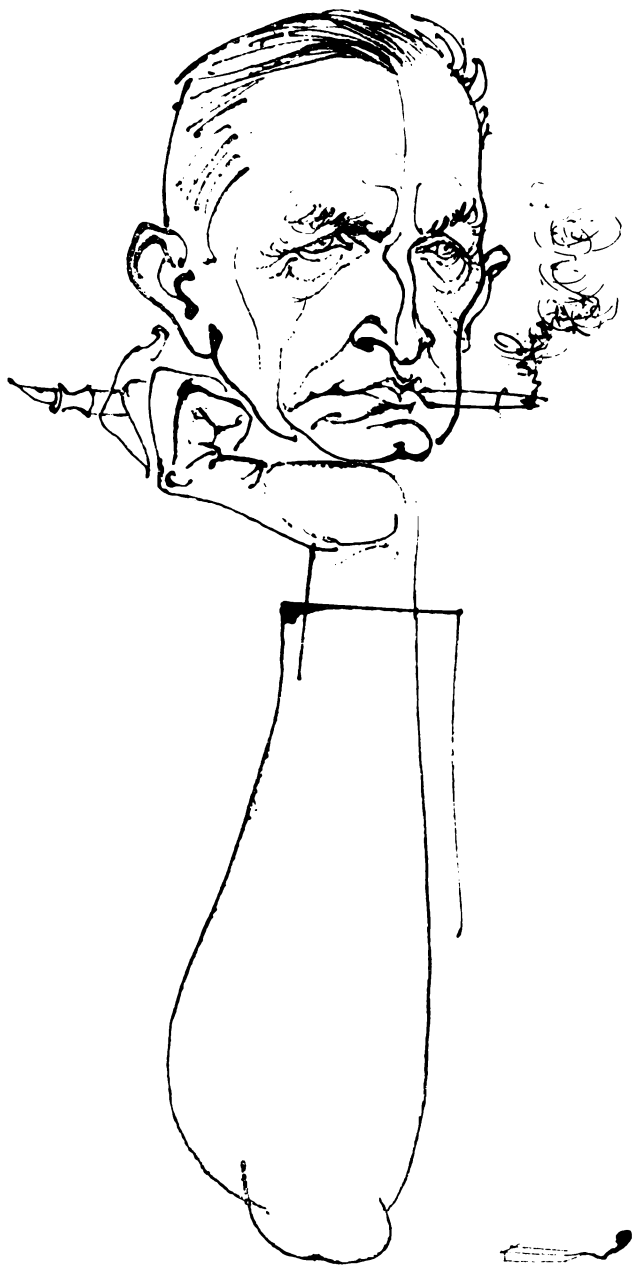
Строгая морковь

(Я. Смеляков)

Не в смысле каких деклараций,
не пафоса ради, ей-ей,
мне нравятся серые зайцы —
те золушки наших полей.

Мне праздника лучшего нету,
чем видеть опять и опять —
по этому белому свету
тот заяц идет погулять.

Ни шелка на нем, ни шевьота.
Ни юбок на нем, ни рубах.
Как красный колпак санюлота —
морковка в суровых зубах.

Не плод экзотический юга,
чья дряблая кожа пестра,—
а скромная дочь огорода,
больших удобрений сестра...

Но грозный, как тень трибунала,
сидит на своем чердаке
охотник в коротеньком платье,
с кулацким обрезом в руке.

Он зайца в ловушку заманит,
морковку его отберет.
Он с этою целью ложится
и с этою целью встает.

Но вы понимаете сами —
я зайца в обиду не дам.
Высокую чашу питанья
я с ним разделю пополам.

Я дам ему, может, рублевку
из малой получки моей —
пусть купит другую морковку,
какая еще покрупней.

Я буду доволен, по сути —
была бы у зайца всегда
в железной домашней посуде
красивая эта еда!

Ключик

(В. Соколов)

Был дождик в полусне,
канун исхода.
Был зайчик на стене,
была охота.

Был дачный перегон,
грибы, сугробы.
Варили самогон.
Зачем? А чтобы.

Варили вермишель.
Когда? Вначале.
Когда еще — Мишель,
ау! — кричали.

Меж всех этих забот,
охот, получек,
он был как словно тот
скрипичный ключик.

Он смутно различал
сквозь суть причины
концы иных начал,
иной кручины.

Диван вносили в дом,
тахту с буфетом.
Но суть была не в том,
а в том и в этом.

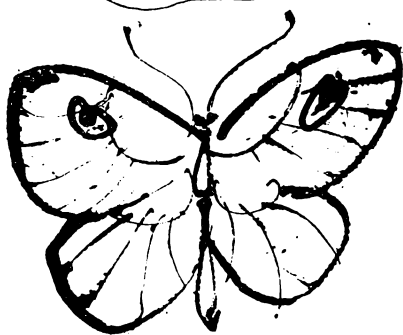
И пусть он не был тем,
а все ж заметим,
что был он между тем
и тем, и этим.

Он частью был всего,
что было тоже.
А впрочем, ничего.
Возможно все же.

Как съесть зайца

(В. Солоухин)

Чтоб зайца съесть —
идите на охоту.
Возьмите дальнобойное ружье
и, выждав миг,
когда пойдет он погулять
(о маленький комочек вещества,
которое сто миллионов лет
природа создавала кропотливо!),
в него стреляйте.
Я понимаю, этот способ груб
(ни Исаак Ньютон, ни Бабель Исаак
не пользовались им),
но способ есть
куда гуманней:

в гастроном идите
и в том отделе, где торгуют дичью,
скажите:
— Ну-ка, свесьте мне того,
да, этого, вот именно его!..—
Придя домой, включите радиолу
(тут хорошо поставить фугу Баха!)
и зайца на конфорке опалите.
Потом ножом разрежьте аккуратно,
чтоб ткань его не сильно повредить
(ведь мозг в его красивой голове
четырнадцать имеет миллиардов
тончайших клеток,
фосфор и другие элементы
таблицы Менделеева,
что очень ценно!),
и начинайте жарить.
А потом,
зубами прокусивши мякоть
и запрокинув голову
(не заячью, конечно, а свою),
вы чутким человеческим ртом
глотайте, жуйте, чмокайте губами
и переваривайте, наслаждаясь
процессом перевариванья.
О эти звуки в зыбкой тишине,
ха-ха, их перекрыть уж невозможно,
их усмирить не в силах даже пушки —
такие это звуки! (Я в виду —
вы поняли —
имею фугу Баха!)
Вот так!

Каменная книга

(А. Тарковский)

...после чего начинайте его
тушить.

Е. Молоховец.
*«Подарок молодым
хозяйкам»*. 1911

Часы стояли. Шли. Опять стояли.
И время шло по кругу стороною.
Спокойно спали боги на Олимпе,
Водою ионической омывшись,
И ассирийский царь храпел во сне.
Дремали Фивы, Вавилон и Троя,
Атлант, Сизиф, Геракл и Агамемнон,
Афина, Персефона, Филомела,
Арес, Гермес, Пифон и Аполлон,
Омфала, Деянира и Пандора,
Атос, Портос и храбрый Арамис
В обнимку с неразлучным д'Артаньяном,
И лишь одна Елена не спала,
Не та, увы, прекрасная Елена,
Зевеса дочь,— а та, Молоховец.

Как раз сейчас,
пока вокруг нее
В больших кувшинах,
в синих ведрах, в банках
Из-под компота
остывало мясо,
Она своей рукой окровавленной
Ту фразу выводила роковую,
Зловещего исполненную смысла,
Ту самую — «тушить его, тушить!»,
И хоть она, злодейка-лицемерка,
Успела букву Д сменить в том слове
На букву Т, но явственно звучало
Все то же Д — «душить его, душить!».
И я тогда сказал себе:

— На свете
Есть много, друг Горацио, такого,
Что и не сразу в голову придет!
Казалось бы, питание и убийство —
Две вещи несовместные. А так ли?
И не был ли фактически убийцей
Иной создатель книги кулинарной,
Дающий лицемерные советы
Доверчивым хозяикам молодым?..

Рифмовник для Каина

Шелест пуха, дух вязанья
Теплой кофты шерстяной.
Мамка щучья и фазанья,
Кто там ходит за стеной?

Кто там ходит в синей феске,
Лапу серую жуя,
Как на той старинной фреске
В грозной книге Бытия?

Это Авель, бедный мальчик,
Как пред скинией Давид,—
Авель, Авель, бедный зайчик,
Тихо в дудочку дудит.

То сбивается со счета,
То на счет четыре-пять
Вдруг выходит за ворота,
Чтоб немного погулять...

В темных зернах хлорофилла
Спит минога и омар.
Дремлет муха дрозofiла,
Насекомое комар.

В лавке грека Ламбринади,
Там, где раки Бордолез,
Спит селедка в маринаде,
Погружаясь в майонез.

Но, утрюм и неприкаян,
Проявляя волчью прыть,
По дорогам ходит Каин,
Хочет Авеля убить.

У него одна забота —
Все живое отравлять.
Он не любит, если кто-то
Ночью вышел погулять...

Спит животное кузнечик.
Остро пахнет бузиной.
С желтым ядом черный глечик
Носит Каин за спиной.

Он шагает то и дело,
Все готов перетерпеть —

Лишь бы Авелево тело
Желтым ядом натереть...

Я взываю к Артемиде —
Чтобы не было того,
Отымите, отымите
Глечик с ядом у него!

Дайте Каину письменник,
Пусть забудет о грехе.
Дайте Каину рифмовник
На шатучем лопухе.

Дайте Каину подстрочник,
Подберите словари,
Пусть сидит и переводит
От зари и до зари.

Посидит, попереводит
Года три-четыре-пять —
Будет знать, как братьев меньших
Желтым ядом отравлять!

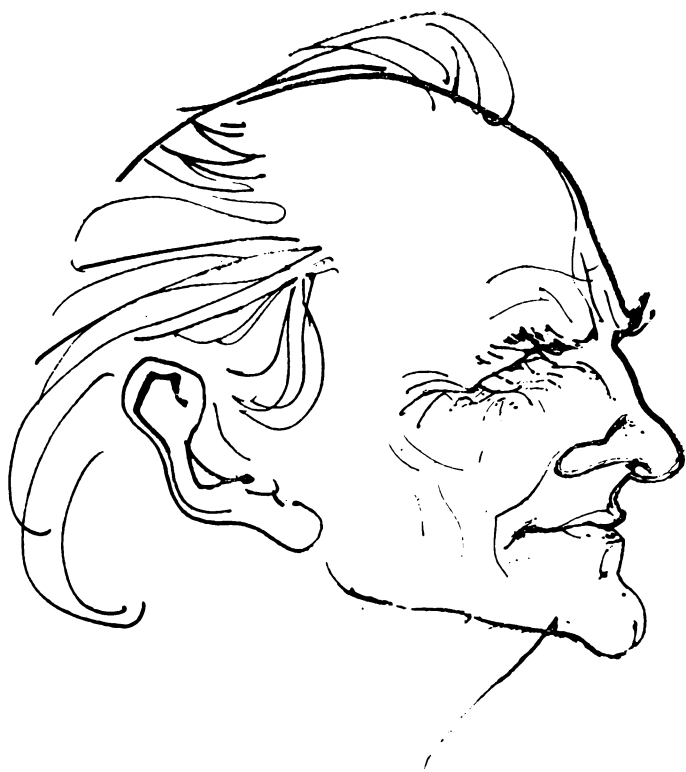
Морковью дорожить умеете...

(С. Щипачев)

Я помню, за окошком дождик лил,
когда я в зыбке слушал горестную повесть
о том, как зайца в поле застрелил
один охотник, потерявший совесть.

И я тогда подумал: зайца бить
хотя бы где — а все равно негоже.
Ведь он еще, возможно, мог любить!
А может быть, его любили тоже!

И может быть, как яблонька бела,
в косыночке, надвинутой на брови,
его на лавочке любимая ждала
с букетиком шпината и моркови.

Но верю, верю, через толщу лет,
свершив круговращение в природе,
он явится к любимой на обед
укропинкой, возросшей в огороде.

И в этот день, что будет радостно трубить
над скромною семейною пирушкой,
хотел бы я на том обеде быть
горошинкой, морковинкой, петрушкой.

А может, я в моркови стал бы жить,
опять волнуя души и тревожа...
Умейте же морковь дорожить:
морковь — она с хорошей тыквой схожа.

Вологодская драма

(А. Яшин)

В Вологде у нас
вместо Ц бают Ч..
Заяч возле черквы
танчевал на крыльче.

А по центральной улице,
по чепкой траве
проходил охотник
без чаря в голове.

Он блюда порционные
шибко любил.
Он в зайча не причелился,
а просто убил.

Побелело зайча
цветущее личо.
Повалился заяч
личом на крыльчо.

Ах, сам-то я виновен
в этом грустном конче:
зачем я вместо Ц
выговаривал Ч?

А то бы шкурка зайча
чела бы была!..

Торопитесь делать
добрые дела!

Вместо послесловия

Вот, собственно, и все, и можно бы на этом поставить точку. Как говорится, автор сделал свое дело — автор может уходить. Но, перелистав еще раз эту книгу, автор услышал вдруг тихий, хотя и достаточно внятный голос: «Помилуйте, как же так!..»

— Как же так,— говорил этот голос (а это был конечно же внутренний голос, внутренний голос самого автора, шедший из потаенных его глубин),— как же так, в труде столь серьезном, основательном и научном — и вдруг да без послесловия! Да это ж было бы

не только нарушением всех традиций, но еще и попросту проявлением неучтивости по отношению к собеседнику, благосклонному и терпеливому — все равно как уйти, с ним не протившись...

К чести нашего автора надо сказать, что он и не пытался оспаривать этой как будто бы и простой, но разумной и благородной мысли, а, напротив, тут же принялся за дело, твердо договорившись со своим внутренним голосом, что будет при этом предельно краток.

Итак, перелистав еще раз эту книгу, автор подумал, что будет не лишним напомнить благосклонному читателю две фразы из предисловия.

«Полагаю, что в этом ничего нет обидного,— писал в предисловии автор.— Впрочем, я знал, на что иду».

Так вот, автору сейчас окончательно сделалось ясно, что обидного ничего тут и не получилось. Автор и в самом деле, и вполне искренно, старался не только не обидеть никого из своих коллег и собратьев, но старался, чтобы добро вообще побеждало и торжествовало на этих страницах, и можно ли, в самом деле, найти более неоспоримое подтверждение добрых намерений автора, нежели тот красноречивый факт, что даже главного героя книги, этого маленького длинноушого неудачника, Впрочем, исполненного подлинного благородства, автор старался всякий раз выручить из

беды, а не отдать его в лапы коварного противника.

Что же касается того, знал ли автор и в самом деле, на что идет,— в этом он до конца еще не уверен. Тем более, что ему, автору, пришлось тут столкнуться с престранным одним феноменом: в последнее время с удивлением он стал замечать, что если кто и обижается на него порой, так это вовсе не те, на кого написал он свои пародии, а как раз те, на кого написать он их почему-либо не сумел.

Но тут уж автор должен со всею категоричностью отместить все обиды и подозренья, ибо никакой такой цели специальной у него не было и быть не могло, а если кому-то все-таки так покажется, то тут уж извините, тут уж, как сказал поэт — вот вам мое стило, и можете писать сами!

Высказав эти последние, немаловажные для него соображенья, автор с чистой совестью и с чувством исполненного долга прощается с благосклонным читателем и, поблагодарив его за терпенье, вновь удаляется под покровительство любимой им неизменно музы Эвтерпы, надеясь, как всегда, на доброту и отходчивость мягкого ее женского сердца.

Содержание

Предисловие автора	5
------------------------------	---

С Ю Ж Е Т, или часть первая

Сказание о зайце*	11
-----------------------------	----

В А Р И А Н Т Ы, или часть вторая

Царевич (Б. Ахмадулина)*	15
Яр-пар из книги «Сыр-бор» (В. Боков)*	18
Глубина (Е. Винокуров)*	20
Заячье отступление из поэмы «Треугольные уши» (А. Вознесенский)*	23
Плач охотника по двум неубитым зайцам	26
Монолог рано вышедшего погулять (Е. Евтушенко)*	30

Похвальное слово курочке Рябе. Из цикла «Сорокалетняя мужчина»	33
Баллада о зайчике Роуфе, охотничьем сыне Баграте, чуреке и чебуреке (Ф. Искандер) *	36
Зайцерама (С. Кирсанов)	39
Полезные советы (С. Куняев) *	43
Испытание на преодоление (М. Луконин) *	45
Маленький Гулливер (М. Львов) *	47
Восьмое чувство (Л. Мартынов) *	49
Элегия на смерть Джона О'Грэя, почтенного зайца, эсквайра (С. Маршак)	52
Не в соли — соль. Сонет (Н. Матвеева) *	56
Песенка о факире Абу-Закире	59
Alter Zayac. Поэма (А. Межиров)	61
Косой и Селифан. Басня (С. Михалков)	67
Прощание с Ленькой Зайцевым (Б. Окуджава) *) *	70
Другое дерево. Киноречитатив (Г. Поженян)	73
Сухопутная баллада	75
По угорью, по заречью... (А. Прокофьев) *	77
Интервью с Вольфом Мессингом (Р. Рождественский))	80
Не про того парня	83
Арфа, Марфа и заяц (Д. Самойлов) *	85
Сто двадцать лет спустя (М. Светлов) *	88
Зайцы в водоеме (Б. Слуцкий) *	91
Строгая морковь (Я. Смеляков) *	94
Ключик (В. Соколов) *	97
Как съесть зайца (В. Солоухин) *	100
Каменная книга (А. Тарковский)	103
Рифмовник для Каина	106
Морковью дорожить умеете... (С. Щипачев) *	109
Вологодская драма (А. Яшин) *	112
Вместо послесловия	115

*Юрий Давыдович
Левитанский*

СЮЖЕТ С ВАРИАНТАМИ

М., «Советский писатель», 1978, 120 стр.
План выпуска 1978 г. № 161

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *Т. П. Лейзерович*

ИБ № 1262

Сдано в набор 23.03.78. Подписано в печать 09.08.78. А 07340. Формат 84×100¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Журнальная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,81. Уч.-изд. л. 3,23. Тираж 40 000 экз. Заказ 267. Цена 55 коп. Издательство «Советский писатель», 121069. Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

55к.

ГТ